

УДК 94(430).06

Д. В. Стерхов

**ПРОПОВЕДНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КЁНИГСБЕРГСКОГО ПАСТОРА ЛЮДВИГА ЭРНСТА БОРОВСКИ
В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН (1806 – 1816)**

53

Исследуется деятельность кёнигсбергского проповедника Людвиг Эрнста Боровски (1740 – 1831). Освещаются основные вехи биографии прусского теолога. Предпринимается анализ патриотических проповедей Боровски периода 1806 – 1816 гг., отмечаются отличительные особенности его литературного стиля. Особое внимание уделяется сюжетам и темам, которые поднимает Боровски. Подчеркивается важная роль личности Людвиг Боровски в интеллектуальной и политической истории Кёнигсберга и Восточной Пруссии начала XIX в.

The article explores the life of the Königsberg preacher Ludwig Ernst Borowski (1740 – 1831). Special attention is paid to his biography and his pastoral activities. A detailed analysis of Borowski's patriotic sermons (1806 – 1816) is undertaken; the idiosyncrasies of his literary style are emphasized. The main themes and subjects of pastor Borowski's sermons are carefully examined. The author emphasizes the significance of Borowski's personality for the intellectual and political life of Königsberg and East Prussia at the beginning of the 19th century.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, проповедь, Просвещение, Кёнигсберг, Восточная Пруссия, локальный патриотизм, королева Луиза, образ войны.

Key words: Napoleonic Wars, sermon, Enlightenment, Königsberg, East Prussia, local patriotism, Queen Louise of Prussia, image of war.

Людвиг Эрнст Боровски принадлежит к числу наиболее выдающихся прусских проповедников второй половины XVIII – начала XIX в. Несмотря на значимость личности Боровски для церковной и политической истории Пруссии, на данный момент нет ни одной современной биографии прославленного богослова, а наиболее полные жизнеописания относятся к XIX в. [8] или были составлены накануне Первой мировой войны [10]. Проповеди Людвиг Боровски часто упоминаются в исторической литературе, однако их полного и всестороннего анализа на сегодняшний день нет. Данная статья ставит целью не только осветить наиболее важные вехи биографии выдающегося прусского теолога, но также рассмотреть стилистические особенности и основные темы и сюжеты патриотических проповедей Л. Э. Боровски.

Людвиг Эрнст Боровски родился в Кёнигсберге 17 июня 1740 г. в семье зажиточного владельца лакокрасочной фабрики Андреаса Эрн-

ста Боровски, который к тому же исполнял обязанности кюстера и звонаря при кёнигсбергской Замоквой церкви. Свой жизненный путь Боровски начинал в элитарном учебном заведении под названием Фридрихсколлегиум (*Collegium Fridericianum*, или *Friedrichskollegium*), которое закончил в 1755 г. Будучи 15 лет от роду, он поступил в Кёнигсбергский университет, где стал учеником самого Иммануила Канта. После завершения в 1758 г. обучения Боровски некоторое время работал в качестве домашнего учителя, тогда же он начал читать первые проповеди. В то время Пруссия принимала участие в Семилетней войне (1756–1763), и Боровски не остался в стороне от этих событий: в 1762 г. в качестве проповедника он был направлен в полк фельдмаршала Иоганна фон Левальда, губернатора Восточной Пруссии до ее захвата русскими войсками в 1758 г. Должность военного проповедника давала определенные привилегии на гражданской службе и открывала перед 22-летним юношей путь к блестящей духовной карьере. Через 8 лет, в 1770 г., Боровски оставил армию и был назначен первым проповедником и суперинтендантом церковного прихода Шаакен (ныне поселок Жемчужное в Гурьевском районе Калининградской области).

Вскоре церковная карьера Боровски пошла в гору. В 1782 г. магистрат Кёнигсберга предложил ему должность проповедника Нойроссартенской кирхи, при этом Боровски продолжал выполнять функции полкового священника, так как гарнизон Кёнигсберга слушал его проповеди вместе с гражданским населением города. В 1793 г. Боровски получил должность ассессора, а также стал членом специальной королевской комиссии по церковным и школьным делам. В 1804 г. он был назначен советником Кёнигсбергской лютеранской консистории, а в 1809 г. последовало дальнейшее повышение: Боровски стал не только старшим консисториальным советником, но также директором постоянной комиссии по духовным и школьным делам при кёнигсбергском правительстве. Его влияние на религиозные дела и школьное образование значительно возросло. Кроме того, занимаемые им должности давали право осуществлять рукоположение новых священнослужителей, поэтому к 1809 г. Людвиг Боровски стал одним из самых авторитетных священников во всей Восточной Пруссии [5, S. 330–331].

Личная жизнь Боровски складывалась не столь удачно. В 1766 г. он женился на Марии Шарлотте Хартунг, дочери известного кёнигсбергского книгопечатника. Счастливый брак продлился недолго: в 1783 г. Мария Шарлотта скончалась в возрасте 39 лет, произведя на свет семерых детей – у нее было два сына и пять дочерей. Старший сын, Фридрих, умер в 1802 г. от кровоизлияния, младший же, Антон, доставлял родителю всяческие неприятности и, будучи солдатом прусской армии, скончался от тифа в 1809 г. Из всех дочерей пережили отца только две – Доротея, вышедшая замуж за священника, и София, которая рано овдовела и жила в отчем доме с детьми, выполняя обязанности домохозяйки. По настоянию Софии Боровски так и не сочетался повторным браком, поэтому на протяжении 48 лет оставался вдовцом [10, S. 19–20].

Один из наиболее плодотворных периодов жизни Людвиг Боровски пришелся на тяжелый для его страны период. В 1806 г. Пруссия в союзе с Россией вступила в войну против Франции, которая обернулась полной катастрофой: в знаменитой двойной битве при Йене и Ауэрштедте 14 октября 1806 г. прославленная прусская армия была разгромлена. Уже через две недели, 27 октября, вражеские войска во главе с самим французским императором Наполеоном Бонапартом вступили в столицу побежденного королевства — Берлин. Прусское правительство, включая короля Фридриха Вильгельма III и его супругу королеву Луизу, покинуло центральные районы страны, оккупированные французами, и бежало к восточным границам государства.

Несмотря на тяжелое поражение, Фридрих Вильгельм III был полон решимости продолжать войну. Основным театром военных действий теперь стала непосредственно Восточная Пруссия, куда для борьбы с Наполеоном прибыли русские войска. Однако русско-прусскому оружию успех не сопутствовал: в битве при Фридрианде 14 июня 1807 г. союзники потерпели очередное поражение от Наполеона, а через два дня пала и столица провинции — Кёнигсберг [1, с. 277]. Само существование Пруссии как государства оказалось под угрозой. Во многом благодаря заступничеству российского императора Александра I прусскому королю удалось сохранить свой трон, однако, согласно условиям Тильзитского мира, подписанного 9 июля 1807 г., Пруссия теряла почти половину своей территории, на нее накладывалась огромная контрибуция, большая часть страны, включая Берлин, оставалась оккупированной врагом [7, р. 42]. За всю свою историю Пруссия еще не терпела такого сокрушительного поражения.

Людвиг Боровски, конечно же, не мог остаться в стороне от этих событий. Война, оккупация, реквизиции и насилие со стороны французских солдат, голод и холод затронули его точно так же, как и других жителей Кёнигсберга и Восточной Пруссии, что нашло отражение и в проповедях Боровски того периода. Однако лично для пастора годы тягот и лишений имели самые невероятные последствия.

Дело заключалось в том, что Восточная Пруссия на некоторое время стала местом пребывания королевской четы, которая избрала в качестве своей резиденции сначала маленький провинциальный городок Мемель, а с января 1808 г. по декабрь 1809 г. фактической столицей прусского королевства был Кёнигсберг. Именно в этот период состоялось знаменательное событие — знакомство именитого богослова с царствующей семьей. Как отмечают биографы Боровски, теолог держался подальше от двора и не искал встречи с венценосной четой, но его полные оптимизма и энтузиазма проповеди привлекли внимание королевы Луизы, и весной 1808 г. состоялось первое личное знакомство 32-летней правительницы и 68-летнего проповедника. Поверхностное знакомство вскоре переросло в дружбу, между королевой и Боровски завязалась тесная переписка, касавшаяся преимущественно религиозных и теологических вопросов. Через некоторое время произошла и встреча Боровски с королем Фридрихом Вильгельмом III, который в тот слож-

ный для Пруссии период нуждался в сочувствии и поддержке. Насколько известно, в 1808—1809 гг. королевская чета посетила как минимум семь проповедей кёнигсбергского пастора [3, S. 190—191].

По случаю кончины королевы Луизы в июле 1810 г. Боровски прочитал специальную проповедь, копия которой была направлена королю. Фридрих Вильгельм III очень высоко оценил ее и выслал проповеднику письмо с благодарностью, а в 1812 г. по случаю 50-летия своей проповеднической деятельности кёнигсбергский пастор получил от короля в качестве подарка гипсовую фигурку с изображением усопшей королевы. До 1813 г. между монархом и его духовным наставником продолжалась интенсивная переписка, которая, однако, прервалась вскоре после окончательной победы над Наполеоном в 1815 г. [8, S. 16—17].

Почет и уважение, которое испытывал Фридрих Вильгельм III по отношению к пожилому священнику, нашли отражение в дальнейшем невероятном взлете карьеры Боровски. В июле 1812 г. в Кёнигсберге состоялись пышные празднества, посвященные 50-летию юбилею проповедничества Боровски, по этому поводу он был назначен на высшую церковную должность — генерального суперинтендента, — став теперь уже не только по заслугам, но и по званию самым главным священником всей Восточной Пруссии [4, S. 46—47]. В 1815 г. последовало назначение Боровски первым проповедником Замковой церкви Кёнигсберга, а в 1816 г. Фридрих Вильгельм III восстановил упраздненную еще в 1587 г. должность епископа Пруссии, которым стал Людвиг Боровски. Впервые за 229 лет в Пруссии появился свой лютеранский епископ. Через год Боровски был награжден высшей наградой Прусского королевства — орденом Черного орла II степени, а в 1818 г. — I степени. Наконец, 19 апреля 1829 г. Фридрих Вильгельм III подписал указ о присвоении Боровски титула архиепископа евангелической церкви Пруссии и о возведении его в дворянское сословие [2, S. 507]. Ни один из прусских проповедников не был удостоен таких почестей, как Людвиг Боровски, который к тому же стал первым в истории Пруссии лютеранским архиепископом. Несмотря на все награды и почести, Боровски предпочитал не почивать на лаврах, а продолжал упорно трудиться и исполнять свои духовные обязанности. Четвертого сентября 1831 г., в разгар эпидемии холеры в Пруссии, он прочитал свою последнюю проповедь. Прославленный проповедник и теолог скончался в Кёнигсберге 10 ноября 1831 г. на 92-м году жизни.

Известный историк церкви начала прошлого века Мартин Вендланд сообщает в своей монографии 1910 г. о том, что за всю свою длинную и плодотворную жизнь Людвиг Боровски прочитал свыше 6 тыс. проповедей [10, S. 44]. Однако до наших дней дошла лишь крохотная доля всего того необъятного наследия, которое оставил после себя прославленный кёнигсбергский пастор. На сегодняшний день практически единственным печатным источником его трудов является сборник патриотических проповедей Боровски, опубликованный в 1913 г. профессором теологии Кёнигсбергского университета Альфредом Уккелем [9]. Сборник содержит 13 проповедей и ценен в первую очередь тем, что 7 из них никогда ранее не публиковались и были восстановлены

Уккелеем из собственноручных манускриптов Боровски. Остальные 6 проповедей печатались ранее либо в сборниках, либо отдельными изданиями. Все проповеди, представленные Уккелеем, относятся к 1806–1816 гг. — наиболее драматичному периоду в истории Пруссии, от ее разгрома Наполеоном в битвах при Йене и Ауэрштедте до победного завершения освободительных войн. Уккелей назвал эти проповеди «патриотическими», хотя, скорее, их можно обозначить как «политические», так как они были прочитаны по поводу наиболее крупных общественно значимых событий: взятие Кёнигсберга французами, заключение Тильзитского мира, кончина королевы Луизы, начало войны с Францией в марте 1813 г., заключение мира после победы над Наполеоном. В то же время данные проповеди представляют собой вершину гомилетического искусства Боровски — в 1806 г. ему было уже 66 лет и он имел богатый пасторский опыт.

Можно выделить несколько особенностей стиля Людвиг Боровски. Во-первых, его тексты отличает невероятный накал эмоциональности. Проповедь для кёнигсбергского священника — это не сухое изложение основ вероучения, а живое Божье слово, которое должно в первую очередь воздействовать на чувства и эмоции людей. Поэтому Боровски рисует очень яркие и живые картины, создает иллюзию сопричастности к описываемым им событиям. К примеру, в проповедях начала 1806 г., описывая войну, которая тогда еще не дошла до самой Восточной Пруссии, проповедник оперирует такими эмоционально окрашенными понятиями, как *крик войны, братская кровь, боль, всеобщий плач, горе, слезы, уныние* [9, S. 30]. Очень яркое описание войны дает Боровски в своей проповеди от 19 июля 1807 г., прочитанной уже после заключения Тильзитского мира. Священник говорит о «пламени войны», которая обрушилась на Пруссию и оставила после себя удручающую картину: «Вокруг нас мы видим разоренные поместья, опустевшие владения, бледные лики дороговизны, голода и нищеты, пустые церкви» [9, S. 48]. В проповеди от 23 августа 1807 г. затрагивается тема частых случаев смерти жителей Кёнигсберга от болезней, голода и оккупации:

Многие семьи нашего города и нашей провинции глубоко потрясены участвовавшими случаями неожиданных и внезапных смертей... Так, многие родители предвидели в далеком будущем счастье своих детей и внуков — и вот, сын лежит мертвый, дочь кладут в гроб. Многие потеряли своих дорогих друзей, и каждый день приходит одна и та же новость об очередном покойнике. Все они, словно семена, рассыпаны по нашим церковным кладбищам, чтобы восстать в день жатвы [9, S. 53].

В описаниях войны Боровски часто прибегает к таким словам, как *ужас, грабежи, разрушение, смерть, гибель, болезни, пожар, горе, опустошение, дороговизна, стенания, вопль, плач, стон*. Тех же людей, которые хотят войны, Боровски, не стесняясь в выражениях, именует *извергами рода человеческого* [9, S. 135]. Не менее убедительно в проповедях 1816 г. Боровски описывает мир, который несет с собой *спасение, счастье, благополучие, радость, благословение*. Для проповедника мир, в противоположность войне, это «великолепный, прекрасный подарок из рук Гос-

пода» [9, S. 135]. Стремление Боровски апеллировать не к разуму, а к чувствам своей паствы, свидетельствует о том, что он во многом являлся продолжателем традиций пиетизма [6, S. 46].

Другая особенность стиля Боровски — образность и метафоричность его языка, при этом кёнигсбергский пастор в первую очередь проводит сравнения с природными явлениями. Военно-политическую катастрофу Пруссии Боровски описывает как шторм, обрушившийся на его Родину. Война уподобляется разрушительной буре с градом, громом и молниями, после которой остаются пожарища и руины. И все эти разрушительные природные явления ниспосылаются самим Господом для наказания людей за их грехи:

58

Палящий зной, дожди и многоводные реки, град и саранча, вообще всё то, что составляет громадную, ужасающую армию Всевышнего, может за один миг разрушить абсолютно все [9, S. 67].

Тяжелые времена войны и оккупации Боровски описывает как *мрак, ночь, затмение*, одновременно апеллируя и к явлениям природы, и к ветхозаветным образам («тьма египетская»). В то же время мир Боровски описывает как *солнечный свет, путь, усеянный цветами, цветущий сад, утреннюю зарю, спокойную и сухую погоду* — по сути нормальное, естественное состояние мира, каким его создал Бог [9, S. 97]. Буря и гроза — орудия в руках Господа, он насыляет их на грешную землю. Уподобляя войну и мир явлениям природы, Боровски пытается донести до своих слушателей одну простую мысль: и то и другое ниспосылается Всевышним, это акт его воли, средство наказания или избавления от страданий.

Личность самого Боровски всегда присутствует в его проповедях, что можно отнести к другой особенности стиля восточнопрусского пастора. Он постоянно апеллирует к собственному опыту страданий и лишений, испытанных в годы войны, при этом проповедник указывает на то, что его переживания полностью совпадают с переживаниями других жителей Кёнигсберга. Обращаясь к своей пастве, священник всегда использует местоимения «мы» и «наш», создавая тем самым чувство единства. Необычным для проповеди начала XIX в. является тот факт, что Боровски часто обращается к самому себе, тем самым стремясь подтвердить те или иные положения Священного Писания своим личным авторитетом. Так, в проповеди от 1 января 1806 г. он следующими словами убеждает свою паству в столь сложные и опасные времена обратиться к Богу:

Я отсылаю вас к слову Божию и к учению Христа. И пусть никто из вас не скажет в раздражении: «Снова и снова эта Библия! Один лишь Иисус!» Я говорю вам перед Богом, который незримо присутствует здесь сейчас: «Нет другого источника истины!» Поверьте человеку, который превратился в седого старика, изучая и исследуя всё то, что нам говорят разум и Святое Писание, поверьте человеку, который всё, всё это испытал на своем опыте, поверьте человеку, который сегодня же сложил бы с себя сан священника и стал бы искать кусок хлеба другими путями, если бы он прямо сейчас, с

этой кафедры, не смог бы сказать: «Лишь Библия является единственным источником истины, лишь Иисус является источником благодати и спасения». Поверьте этому человеку, если он отсылает вас к Библии и Христу [9, S. 32].

Об этих своих словах Боровски будет вспоминать в проповеди от 19 июля 1807 г. — после того, как побежденная и разгромленная Пруссия подпишет унижительный Тильзитский мир и у жителей королевства сложится впечатление, что вера в Бога оказалась напрасной и неспособной уберечь государство от вражеского вторжения. В самом начале проповеди Боровски сделает отсылку к своим предыдущим словам:

Я проповедовал вам Бога, который намеревался дать нам мир, а не посылать нам страдания. Однако именно сейчас, именно в этот день сердца многих жителей нашего Отечества отвернулись от этой истины. Все чаще я слышу в свой адрес слова: «Не ври нам! Как может Господь хотеть мир?» Другие же мне говорят: «Не ври нам! Господь рассердился на нас, он создал нас для того, чтобы мы были несчастливы» [9, S. 47].

Боровски считает подобные упреки справедливыми и далее описывает те ужасы войны, которые обрушились на Пруссию и которые он пережил сам. В то же время священник призывает паству не отречься от веры и продолжать надеяться на Бога. Для этого жители Пруссии должны были отказаться от своих грехов, за которые и были наказаны Богом, и вернуться к истинной христианской вере:

Мы не должны удовлетворяться лишь словами «Господь, Господь», но мы должны исполнить волю нашего Отца на небесах. На какова же Его воля? Он хочет, чтобы мы верили в того, кого Он отправил к нам как Спасителя, Он хочет, чтобы мы осознали нашу греховность и нашу беспомощность, чтобы мы отказались от заблуждений нашего разума, чтобы мы верили в Христа, нашего искупителя, который отдал свою жизнь за нас, а также чтобы мы стремились к прилежанию в хороших делах и к распространению его славы по всему миру... Поверьте мне, я понял сам — ничто не сможет приблизить нас к миру, кроме преданности Богу через его сына Иисуса Христа [9, S. 49].

Подобные апелляции к личному опыту, к личному авторитету, к личным страданиям, переживаниям и мыслям можно встретить и в других проповедях кёнигсбергского пастора, что, безусловно, придает им оттенок индивидуальности, нестандартности и оригинальности.

Если говорить о наиболее важных проблемах, которые Людвиг Боровски поднимает в своих проповедях 1806—1816 гг., то здесь можно выделить три основные темы. Красной нитью через абсолютно все проповеди проходит идея о несостоятельности идеологии Просвещения. Из всех прусских теологов начала XIX в. Людвиг Боровски можно с уверенностью отнести к самому яркому борцу с антиклерикальными идеями Просвещения, хотя необходимо учитывать тот факт, что он сам долгое время придерживался просветительских взглядов [10, S. 2]. При этом стоит отметить, что кёнигсбергский пастор выступает не против всех идей Просвещения, а против представления о верховенстве разума над верой, что в итоге привело к потрясениям и пертурбациям Великой французской революции и Наполеоновских войн. Увлечение подоб-

ными идеями, особенно в Пруссии, стало причиной упадка у религиозности народа, способствовало распространению безверия и атеизма, когда каждый человек стал мыслить себя равным Богу. В проповеди от 1 января 1806 г. священник рисует весьма мрачную и печальную картину:

Ах, как много людей отрицают господа и того, кого он послал нам во спасение! Наши храмы пустеют, круг собравшихся вокруг алтаря становится всё уже. Что же будет с христианской церковью? Будут ли и дальше распространяться безверие, безнравственность, эгоизм, вероломство? Что же будет дальше? [9, S. 31].

60

Проповедник призывает своих сограждан одуматься, вернуться на путь истинной веры, отказаться от пагубных идей Просвещений, от безбожия, которое Боровски в одной из проповедей называет «зablуждением» и «болезнью» своего поколения. Однако этого так и не произошло, поэтому Господь наслал на пруссаков ужасную, страшную войну, которая поставила королевство на грань уничтожения. В упомянутой выше проповеди, прочитанной по случаю заключения Тильзитского мира, Боровски следующим образом отвечает на вопрос своей паствы о том, почему Господь, который хочет мира, отдал Пруссию на растерзание захватчикам:

Подумайте же сами, почему сегодня Господь наслал на нас страдания, а не дал нам мир. Как мало было среди нас тех, кто всем сердцем искал Бога, кто призывал Его и надеялся на Него и на его сына, Иисуса Христа. Как много и сейчас среди нас неверующих и равнодушных. Все набожные и благочестивые люди в нашей стране теперь понимают, что все, что с ними случилось, является полезным испытанием, это очистительный огонь, который должен сделать нас честными и безгрешными [9, S. 50].

Таким образом, проповедник намечает путь к преодолению кризиса, к спасению, который заключается в полном исключении губительного влияния «духа времени» и возвращению к истинной христианской вере. Пруссаки не должны роптать на Господа за то, что он наслал на них войну, истинная причина падения Пруссии заключалась в «безбожии, безверии, презрении к Богу и Христу», которые взяли верх над набожностью и верой. Боровски убеждает своих слушателей и читателей:

Пусть каждый из нас скажет: «Мои грехи приблизили меня к моей гибели», ибо кто из нас может сказать, что он чист и не имеет слабостей? [9, S. 60].

Осуждение антиклерикальной стороны Просвещения, безверия, безбожия, презрительного отношения к религии звучали абсолютно в каждой проповеди Боровски, и это внушение, с точки зрения пастора, дало свои плоды. В проповедях 1816 г. кёнигсбергский священник трактовал победу над наполеоновской Францией в первую очередь как победу над пагубным «духом времени», который исходил из этой страны. В 1816 г. перед Боровски будет стоять иная задача — объяснить своей пастве, почему этот триумф стал возможен, почему именно в данный момент Бог, наконец, ниспослал Пруссии мир, освещенный славой прусского оружия. Ответ пастора был простым: пруссаки отrekliсь от

гибельных идей Просвещения и вновь обратились к Богу, который вознаградил их за это низвержением наполеоновского ига. Прусский народ заключил новый завет с Господом, и теперь главным требованием Боровски к своей пастве будет следующее:

Отныне и навсегда должны мы искоренить чувство горделивой уверенности в наших собственных силах, должны исчезнуть среди нас эгоизм и излишняя самоуверенность. Нашим самым серьезным намерением должна стать безропотная надежда на того, кто является единственным источником всех столь прекрасных и великолепных благ, ниспосланных теперь нам. Действительно, братья мои, если мы, очастливленные миром, ниспосланным нам Всевышним, снова станем упрямыми и своенравными... то с нами случится то же самое, что случилось с французами, мы больше не будем радовать Господа. Наше главное желание сейчас заключается в том, чтобы наши сердца были наполнены надеждой и верой в Бога [9, S. 138].

61

С точки зрения Боровски, разгром наполеоновской Франции стал победой над духом Просвещения, а также еще одним доказательством того, что Бог вмешивается в политическую историю и определяет вопросы и войны и мира.

Альфред Уккелей не случайно назвал проповеди Людвиг Боровски 1806—1816 гг. патриотическими, так как в них часто поднимается тема любви к Отечеству. В этой связи, однако, необходимо поставить вопрос о том, что именно Боровски понимает под Отечеством. Слова «немецкой», «Германия» крайне редко встречаются в проповедях Боровски, при этом их употребление относится уже к проповедям 1816 г., в то время как понятием «Отечество» богослов оперирует регулярно на протяжении всего периода. Понимает ли Боровски под Отечеством Прусское королевство? Применительно к Пруссии как государству священник использует привычные еще для XVIII в. понятия «пруссские государства» (*preußische Staaten*) [9, S. 113] или «прусская монархия» (*preußische Monarchie*) [9, S. 128], встречается и определение пруссаков как «нации» [9, S. 112]. Если немецкая идентичность Людвиг Боровски в его проповедях никак не представлена, то его чувство принадлежности к прусскому государству отражено достаточно четко. Боровски не только напрямую говорит о прусской монархии как объекте любви и привязанности, он также апеллирует к прусским национальным героям, таким как королева Луиза или Фридрих II Великий, в качестве прусского героя упоминается и заместитель генерал-губернатора Восточной Пруссии, прославленный генерал Фридрих Вильгельм фон Бюлов [9, S. 140]. Анализ проповедей Боровски свидетельствует о том, что в центре его внимания стояла не Германия в целом, а именно Пруссия, которую он воспринимает как монархическое государство, чьи жители образуют единую нацию.

Что же касается термина «Отечество» (*Vaterland*), то его Боровски до 1813 г. применяет непосредственно к своей родной провинции — Восточной Пруссии, что особенно явно становится в проповеди от 8 февраля 1807 г., прочитанной сразу после битвы при Прейсиш-Эйлау. Боровски сетует на то, что война, которая до этого была далеко, приблизилась вплотную к границам «моего Отечества», хотя к этому времени Наполеоном были захвачены все центральные провинции Пруссии, в

том числе Бранденбург и столица королевства Берлин, которые, судя по этой фразе, Боровски исключает из понятия «мое Отечество» [9, S. 35]. В другой проповеди, прочитанной 10 декабря 1809 г., незадолго до отъезда короля и королевы в Берлин, Боровски называет Восточную Пруссию своим Отечеством, а Кёнигсберг — своим «отчим городом» (*Vaterstadt*) [9, S. 90]. Само понятие «Пруссия» Боровски иногда использует по отношению именно к своей родной провинции, а не к государству в целом, истинные пруссаки для него — это именно жители Восточной Пруссии. В той же проповеди от 10 декабря 1809 г. кёнигсбергский пастор упоминает тот факт, что двух своих последних детей, принцессу Луизу и принца Альбрехта, королева Луиза родила в Кёнигсберге. По мнению Боровски, прусская королева теперь с полным правом может говорить о том, что ее младшие дети являются истинными пруссаками. Священник отмечает:

Да, да, королева Луиза, наша мать! Ты не забудешь нас (жителей Восточной Пруссии и Кёнигсберга. — Д.С.) никогда. Луиза и Альбрехт суть ценный дар нашей любви, который преподносит тебе твоя Пруссия [9, S. 92].

В проповеди, прочитанной по случаю кончины Луизы, Боровски вновь будет понимать под Отечеством в первую очередь Восточную Пруссию. Вспоминая о пребывании королевы в Кёнигсберге, пастор напишет: «Как же много слез выплакала она в те годы тяжелых испытаний именно здесь, в нашем Отечестве» [9, S. 106]. Лишь в проповедях 1813 и 1816 гг., которые посвящены победе прусского королевства над Францией, понятие «Отечество» будет применяться как к Восточной Пруссии, так и к Пруссии как государству в целом. Однако можно констатировать, что Боровски в первую очередь ощущал себя жителем Кёнигсберга и Восточной Пруссии, настоящим пруссаком. Местная, локальная идентичность явно преобладала над прусской общегосударственной.

Наконец, еще одна тема, которая часто встречается в произведениях Людвиг Боровски, — верность и преданность королю, монарху. Фридрих Вильгельм III и Луиза занимают особое место в проповедях кёнигсбергского пастора. Связано это не только с тем, что в 1808—1810 гг. у Боровски сложились дружеские отношения с королевской четой. Монарх для Боровски в первую очередь — это важнейший патриотический символ, отец народа, нации. Практически в каждой проповеди Фридрих Вильгельм III упоминается как «отец Отечества» (*Landesvater*), а королева Луиза — как «мать Отечества» (*Landesmutter*). Тем самым вся прусская нация мыслится как одна большая семья. Особенно четко этот мотив звучит в проповеди от 10 декабря 1809 г., прочитанной по случаю возвращения королевской семьи из Кёнигсберга в Берлин:

И вот они (король и королева. — Д.С.) покидают нас. Через несколько дней отец и мать покинут своих детей здесь, чтобы обрадовать других своих любимых и верных детей, которые уже так долго ожидают их. И скоро каждый из нас почувствует, что остался сиротой [9, S. 91].

Мотив сиротства очень отчетливо звучит и в проповеди 1810 г., посвященной памяти усопшей королевы Луизы:

Мы обманулись в наших ожиданиях, так как мы надеялись еще долгое время радоваться присутствию нашей матери. И теперь мы плачем о ней и о нашем короле, который перенес немало страданий, но еще никогда не был так жестоко ранен в сердце. <...> Господь повелел, чтобы Луиза умерла. Узы любви, которые связывали нас с нашей матерью, не удержали ее от печального путешествия в страну, которая зовется вечностью... И сказал Господь: «Луиза, мать Пруссии, ты должна умереть» [9, S. 106, 108].

Образ королевы присутствует и в проповедях 1816 г., посвященных победе Пруссии над наполеоновской Францией. Теперь Луиза выступает как «небожительница», обретающаяся у трона Господня и радующаяся освобождению своих «детей» от иноземного ига [9, S. 132–133]. В трактовке Боровски королева Луиза приобретала статус прусской национальной святой.

Большое внимание проповедник уделяет и образу короля Фридриха Вильгельма III, который воспринимается как «отец» всего прусского народа. При этом Боровски четко указывает на то, что источником власти монарха является Божественная воля: Господь передал часть своих функций земному правителю; соответственно, послушание королю означает послушание Богу [9, S. 118]. Ведя свой народ на войну против безбожника Наполеона, Фридрих Вильгельм III исполняет волю небес. Боровски наделяет монарха такими эпитетами, как *благородный, добрый, справедливый, заботливый*. Священник подчеркивает религиозность и набожность короля, который даже в годы унижений и страданий во всем полагался на Господа, тем самым подавая пример своим подданным. На страницах проповедей возникает образ короля-мученика, прошедшего через страшные испытания ради блага своего народа, однако эти страдания еще крепче связали монарха и его подданных, «отца» и «детей». Отмечает Боровски и тот факт, что Фридрих Вильгельм III является «исконным» прусским монархом, а не чужеземцем или захватчиком, делая тем самым акцент на легитимности короля и божественном происхождении его власти. В проповеди от 11 апреля 1813 г., прочитанной по случаю объявления новой войны наполеоновской Франции, Боровски напрямую связывает победу в предстоящем военном конфликте с желанием и стремлением пруссаков верой и правдой служить своему королю и Богу. Проповедник зачитывает перед жителями Кёнигсберга обращение Фридриха Вильгельма III «К моему народу», сопровождая текст королевского указа такими словами:

Тебе предстоит тяжелый бой, от тебя требуются тяжелые жертвы, о, мое дорогое, мое любимое Отечество! Твой король обращается к тебе, он призывает тебя к битве, он требует от тебя добровольной жертвы. Король, которому вы все должны служить верой и правдой, обращается к вам сегодня. Вы слышали его голос. В час опасности Отечество должно готовиться к войне. Пробил час битвы, тяжелой, кровавой битвы [9, S. 119].

В интерпретации Боровски устами монарха говорит сам Бог, и религиозным долгом каждого пруссака становится «нерушимая верность и преданность королю». Тем самым фигура монарха приобретает сакральные черты и становится важнейшим патриотическим символом.

Людвиг Эрнст Боровски по праву может считаться одним из самых влиятельных прусских теологов начала XIX в. В отличие от Фридриха Шлейермахера, он не был «политическим» проповедником в полном смысле этого слова, однако его проповеди 1806–1816 гг. неизбежно затрагивают общественно значимые проблемы, от которых кёнигсбергский пастор и будущий архиепископ Пруссии не мог остаться в стороне. Написанные живым, образным языком и приближенные к нуждам и интересам простых людей, проповеди Людвиг Боровски представляют собой интересный и познавательный источник по истории Восточной Пруссии и Кёнигсберга в наполеоновскую эпоху.

Список литературы

1. Кретианин Г. В., Брюшинкин В. Н., Гальцов В. И. Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград, 2002.
2. *Allgemeine Literatur-Zeitung vom Jahre 1829*. 5 Bd.: Die Intelligenzblätter dieses Jahrgangs enthaltend. Halle ; Leipzig, 1829.
3. Benrath D. Erzbischof Borowski und das preußische Königspaar. Festrede gehalten zum Kaisergeburtstage am 27. Januar 1907 in Königsberg // *Deutsch-evangelische Blätter*. 1907. № 32. S. 185–201.
4. *Beschreibung der Amtsjubelfeier des Dr. Ludw. Ernst Borowski, K. Oberkonsistorialraths, Regierungsdirectors u. Generalsuperintendenten von Ostpreußen u. s. w.* // *Neue theologische Annalen* / Hrsg. von D. Ludwig Wachler. Bd. 1. Marburg ; Frankfurt am Main, 1815. S. 46–48.
5. *Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche* / Hrsg. A. Hauck. Bd. 3. Leipzig, 1897.
6. Kaiser G. Pietismus und Patriotismus im literarischen Deutschland. Ein Beitrag zum Problem der Säkularisation. Wiesbaden, 1961.
7. Levinger M. Enlightened nationalism. The transformation of Prussian political culture 1806–1848. Oxford, 2000.
8. Rindfleisch J. Ludwig Ernst von Borowski, evangelischer Erzbischof von Preußen. Ein Lebensbild. Danzig, 1878.
9. *Königsberger patriotische Predigten aus den Jahren 1806 bis 1816* von D. Ludwig Ernst von Borowski / Hrsg. A. Uckeley. Königsberg in Preußen, 1913.
10. Wendland W. Ludwig Ernst von Borowski, Erzbischof der evangelischen Kirche in Preußen. Ein Beitrag zur Geschichte der ostpreußischen Kirche im Zeitalter der Aufklärung. Königsberg in Preußen, 1910.

Об авторе

Дмитрий Владимирович Стерхов — доц., Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова, Россия.

E-mail: enkiddu@mail.ru

The author

Dr. Dmitry V. Sterkhov, Assistant Professor, Pirogov Russian National Research Medical University, Russia.

E-mail: enkiddu@mail.ru